

Густой запах табачного дыма развеялся по ветру. Цзян Шоуянь почувствовал на своей одежде тонкий аромат, принадлежащий Чэн Цзайе. Он невольно представил, как тот произносит эти слова, сидя в кресле или на диване в своём дворике. Наверняка он опустил глаза, а мягкие волосы упали на его высокий лоб. Было бы ложью сказать, что сердце Цзян Шоуяня не дрогнуло. Он помолчал несколько секунд и ответил:

— Ты мне тоже нравишься.

Голос прозвучал легко, почти невесомо. По сравнению с прямолинейностью Чэн Цзайе, этот ответ казался легкомысленным, словно фраза, брошенная в пьяном угаре среди ночных огней. На другом конце наступила тишина. Среди едва слышного стрекота насекомых голос Чэн Цзайе зазвучал ещё искреннее:

— Цзян Шоуянь, я серьёзно.

Цзян Шоуянь посмотрел на подсолнухи на подоконнике. Даже в густой ночной тьме они не теряли великолепия, сохраняя пылкую яркость солнечного света. Затем он перевёл взгляд на другую сторону подоконника. В углу стояло маленькое фарфоровое блюдце, в котором лежали шесть окурков. Если бы не звонок Чэн Цзайе, их стало бы гораздо больше. Он курил бы, пока пачка не опустела, чтобы затем снова впасть в беспомощную растерянность, не зная, чем себя занять.

Возможно, никотин подействовал как успокоительное — в голове у Цзян Шоуяня была пустота. При этом он подсознательно не хотел, чтобы слова Чэн Цзайе остались без ответа, поэтому добавил:

— Я знаю.

Он был уверен, что Чэн Цзайе говорит искренне. Тот раз за разом брал его с собой к друзьям, открыто и честно показывая свою жизнь. Но после этих слов Цзян Шоуянь снова замолчал. Ну знает он, и что дальше? Может ли он дать Чэн Цзайе какой-то ответ?

Цзян Шоуянь коснулся кольца на шее и вспомнил о предсмертном письме, спрятанном под подушкой. Он самокритично усмехнулся — в этой улыбке смешались беспомощность и горечь. Он невольно вспомнил слова Мартима, сказанные днём у бассейна. Тот говорил, что Чэн Цзайе после выпуска так и не нашёл работу и у него нет чётких планов на жизнь... Цзян Шоуянь считал, что Мартим ошибается. Чэн Цзайе как раз очень хорошо понимал, чего хочет.

А вот Цзян Шоуянь, который после выпуска, казалось бы, очень планомерно работал и копил деньги, при взгляде внутрь себя обнаруживал лишь пустоту. Он не понимал, что он за человек, никогда не жил ради самого себя. Это осознание заставляло его инстинктивно замыкаться и даже признание в симпатии звучало у него легко, почти небрежно.

В трубке на миг воцарилась тишина, а затем Чэн Цзайе произнёс:

— Тебе не нужно чувствовать себя обязанным. Я просто хотел, чтобы ты знал.

Чэн Цзайе вырос в здоровой семейной атмосфере, поэтому всегда умел заботиться о чужих чувствах и разряжать обстановку. Он не давил, требуя немедленного ответа. Чаще он предпочитал действовать — искренне и просто. Чэн Цзайе пошутил:

— А то я буду стараться изо всех сил, а ты в конце с удивлением скажешь мне: «Вообще-то, я всегда считал тебя просто хорошим другом». Я не переживу такого недоразумения.

Цзян Шоуянь рассмеялся. Чэн Цзайе, слегка теребя траву под рукой, тоже засмеялся в ответ. Ночное небо было высоким и далёким. Дыхание в трубке стирало пространство и расстояние, сближая их. Настроение Цзян Шоуяня необъяснимо улучшилось. Он посмотрел на тёмную гладь моря. Ему на мгновение показалось, что из трубки доносится эхо настоящего прибоя. Не успел он прислушаться, как Чэн Цзайе спросил:

— Ты же помнишь, что завтра мы едем на мыс Рока?

Мысли Цзян Шоуяня переключились. Ноги затекли от долгого стояния у окна, и он повернулся, чтобы пройти в гостиную.

— Помню.

Чэн Цзайе услышал щелчок закрывающегося окна. Он осторожно выглянул из-за кустов и быстро посмотрел на второй этаж. В гостиной зажгся свет, из узкого проёма разлилось мягкое белое сияние. Спустя пару секунд свет включился и в спальне. Чэн Цзайе не сдержал улыбки. Его тихий смех донёлся до Цзян Шоуяня через динамик.

— Почему смеёшься? — с подозрением спросил тот.

— Да так, нипочему, — ответил Чэн Цзайе. — На мысе Рока очень сильный ветер. Атлантические бризы холодные, не забудь завтра взять куртку.

Цзян Шоуянь сел на ковёр и дотронулся пальцем до деревянной розы на прикроватной тумбочке.

— Хорошо.

— Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе снова позвал его по имени. В обычной жизни его редко так называли — чаще «Цзянгэ», «господин Цзян» или просто «Шоуянь». Обращение по фамилии и имени обычно звучит отчуждённо, но из уст Чэн Цзайе оно звучало иначе. Слова и звуки те же, но интонация была удивительно нежной. Цзян Шоуянь коснулся мочки уха:

— Да.

— Спокойной ночи. Надеюсь, тебе приснится хороший сон.

После того как звонок завершился, Цзян Шоуянь ещё долго сидел на месте. Только когда снаружи донёлся звук проезжающего автомобиля, он пришёл в себя. Он понял, что долгое время неподвижно смотрел на погасший экран телефона.

Благодаря Чэн Цзайе Цзян Шоуянь этой ночью хоть и не видел снов, но впервые за долгое время по-настоящему выспался.

На следующее утро в девять часов Чэн Цзайе вышел во двор с тремя чашками кофе. Он протянул их работникам, которые убрали двор после вчерашнего барбекю. Возвращаясь в гостиную, он столкнулся с Мартимом. Тот тихо спускался по лестнице, действуя так скрытно, что Чэн Цзайе на миг засомневался, стоит ли ему вообще заходить. Мартим краем глаза заметил его, на полсекунды замер, а затем медленно, словно ещё не протрезвел, повернул голову.

Чэн Цзайе переступил порог:

— Почему вскочил так рано?

Мартим промычал что-то невнятное и почесал свою коротко стриженную голову.

— На кухне есть тёплое молоко, — сказал Чэн Цзайе.

— Не надо, не надо, — Мартим замахал руками. Он выглядел очень встревоженным и каким-то

странным. — У меня дела, я пойду.

Он принялся хлопать себя по карманам. Чэн Цзайе догадался:

— Ищешь ключи от машины? Они на том столе.

— А, да-да.

Мартим схватил ключи и уже собрался уходить, но Чэн Цзайе окликнул его:

— Ты неправильно застегнул пуговицы.

Мартим опустил взгляд на свою рубашку, где ни одна пуговица не попала в свою петлю. Его лицо выразило целую гамму чувств. Чэн Цзайе это показалось странным, но, поскольку он был не так близок с Мартимом, как с Пауло, расспрашивать не стал. Он сел на диван и написал Цзян Шоуяню: «Проснулся? Сегодня, наверное, не получится поехать. На мысе Рока сильный ветер и туман, для этого места нужна подходящая погода».

Цзян Шоуянь не отвечал — скорее всего, ещё спал. Чэн Цзайе вышел во двор, взял шланг и принялся поливать газон. Спустя некоторое время сверху донёсся сонный голос Пауло:

— Зефир.

Чэн Цзайе поднял голову. Видимо, Пауло вчера сильно перебрал: его кудряшки поникли, клычки не сверкали, он вяло навалился на перила балкона.

— Где Мартим? — спросил Пауло.

Чэн Цзайе вскинул бровь:

— Вы же вчера вроде спали вместе? Почему ты меня спрашиваешь?

Похоже, эта фраза задела Пауло за живое. Его лицо стало таким же странным, как у Мартима.

— Это всё ты виноват, ты! — Пауло ткнул пальцем в сторону Чэн Цзайе, явно желая что-то сказать, но осёкся. — Это всё из-за того, что я насмотрелся на вас с Райли!

В ответ Чэн Цзайе направил струю воды прямо на второй этаж. Напор был куда сильнее, чем у вчерашнего водяного пистолета. Пауло мгновенно среагировал и отскочил назад. Он машинально потёр след от зубов за задней стороне шеи, который отозвался покалывающей болью.

— Плевать, плевать, голова кружится, пойду ещё поплюю.

Стеклянная дверь на балкон закрылась. Чэн Цзайе, будучи человеком проницательным, уловил некий подтекст в странном поведении и словах этой парочки. Он постоял, посмеиваясь про себя, а затем потащил шланг поливать дальний край газона.

Через полчаса с поливкой было покончено. Чэн Цзайе снял перчатки, зашёл в гостиную и заглянул в телефон. Пять минут назад пришёл ответ от Цзян Шоюяня: «Как жаль. Редкий случай, когда я проснулся пораньше».

По сравнению с его обычными короткими сообщениями, это выглядело непривычно длинным. Солнечный свет падал на мокрую траву, принося прохладный аромат свежести. Чэн Цзайе сидел в этом пятне света и улыбался — глупо, счастливо и совершенно обезоруживающе.

Цзян Шоуянь и правда проснулся непривычно рано. Ответив на сообщение, он не знал, чем заняться. Полежав немного в кровати, почувствовал голод, поднялся, умылся и пошёл на кухню. В холодильнике, как и ожидалось, нашлись пирожные и молоко.

Цзян Шоуянь не спеша ел десерт, прислонившись к кухонной стойке. Когда он проглотил последний кусочек, раздались два чётких удара в дверь, которые, кажется, отозвались в его сердце. У Цзян Шоуяня в Лиссабоне не было друзей. В такое к нему мог прийти только один человек.

— Доброе утро. — На пороге стоял Чэн Цзайе. Солнечный свет мягко очерчивал его силуэт золотистым контуром. Цзян Шоуяня на миг ослепило. Чэн Цзайе приподнял пластиковый пакет и сказал:

— Празднуем твой ранний подъём. На обед приготовлю тебе португальский рис с морепродуктами.

Цзян Шоуянь на собственном примере доказал: раннее пробуждение ещё не гарантирует ясность ума. Он не помнил, как закрыл дверь и как, словно приклеенный, поплёлся за Чэн Цзайе на кухню. Тот же вёл себя всё увереннее. Раньше он всегда вежливо спрашивал: «Можно войти?», «Можно мне это взять?». Сейчас же просто открыл холодильник и начал выкладывать свежие пирожные, фрукты и молоко.

— Слишком много, — сказал Цзян Шоуянь. — Я всё не съем.

Чэн Цзайе не останавливался:

— Ничего страшного. Днём выберешь, что нравится, а остальное я заберу для Пауло.

Цзян Шоуянь помолчал и ляпнул:

— А Пауло знает, что ты такой предвзятый? — Сказал и сразу почувствовал неловкость. Он хотел было уйти, но Чэн Цзайе быстро обернулся и перехватил его за руку. После холодильника ладонь Чэн Цзайе была прохладной. Цзян Шоуянь попытался высвободиться, но хватка стала лишь крепче. Цзян Шоуянь был ниже Чэн Цзайе почти на полголовы. Глядя прямо перед собой, он видел его кадык, который медленно дёрнулся.

— Я хочу молока, — Чэн Цзайе отпустил его, понизив голос. — Можешь налить мне стакан?

Цзян Шоуянь вымыл новый стакан. Чэн Цзайе тем временем разложил продукты на столе и принялся надевать фартук. Когда Цзян Шоуянь протянул ему молоко, Чэн Цзайе поблагодарил его. Выпив, сам вымыл стакан и поставил его рядом со стаканом Цзян Шоуяня.

Тот перевёл взгляд с двух стоящих рядом стаканов на Чэн Цзайе, который склонился над крабами и мидиями. Кухонная стойка была для него низковата, поэтому Чэн Цзайе приходилось немного сутулиться, отчего его силуэт казался ещё более внушительным. У Цзян Шоуяня возникло странное чувство — в груди как-то сладко защемило.

— Помощь нужна? — спросил он, сделав шаг вперёд.

— Разве что порезать лимон, — ответил Чэн Цзайе. — Морепродукты сами по себе солёные, рис может получиться чересчур острым, а кислинка лимона это сбалансирует.

Заметив, что Цзян Шоуянь всё ещё смотрит на крабов, Чэн Цзайе улыбнулся:

— С этим возиться трудно, легко пораниться. Слушай, хочешь манговый смузи? У тебя тут есть блендер, и в холодильнике как раз найдётся манго.

Цзян Шоуянь достал из шкафа блендер. Чэн Цзайе немного подвинул свои продукты,

освобождая место.

— Там есть ещё один фартук, — он кивнул на шкафчик, затем посмотрел на свой. — У меня с клубникой, а там должен быть с апельсинами.

Кухонная стойка была длинной. Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе стояли плечом к плечу в одинаковых по фасону, но с разным рисунком фартуках: один возился с морепродуктами, другой резал манго. Солнечный свет, просочившись сквозь занавески, мягко разлился по этому уголку. Их тени переплетались, воздух был неподвижен, всё это напоминало постановочное фото для журнала.

<http://bllate.org/book/14908/1435549>